

Хроника научной жизни

Международная конференция «Антропология неопределенности: жизнь в переломные эпохи»

(«Новое литературное обозрение», Европейский университет
в Санкт-Петербурге, Ереванский центр международного образования,
Ереван, Армения, 24–26 октября 2024 года)

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_382

Вряд ли найдется понятие, играющее в данный момент бóльшую роль в нашей жизни, чем понятие неопределенности. Мы практически каждый день сталкиваемся как с объективной стороной неопределенности — отсутствием достоверной информации об имеющих для нас важное значение аспектах действительности, то есть неизвестностью, — так и с ее субъективной стороной — невозможностью планировать свою жизнь и выбирать собственный курс действий, то есть неуверенностью. В одиночку или совместно с другими мы пытаемся выработать стратегии приспособления или преодоления неопределенности; для некоторых из нас эта деятельность стала в последние годы чуть ли не основной. Но даже если абстрагироваться от обстоятельств конкретного времени и места, неопределенность и борьба с ней являются неотъемлемой частью «состояния человека» (*human condition*), как наши западные коллеги обозначают объект изучения социальных и гуманитарных наук.

Поэтому вполне логично, что именно неопределенность стала основной темой конференции, организованной в рамках возрожденного совместного проекта «Нового литературного обозрения» и Европейского Университета в Санкт-Петербурге «Слова и вещи: антропологический поворот в гуманитарных и социальных науках». Стартовавший в 2016 году, этот проект предполагает организацию ежегодных конференций, объединяющих исследователей в области социальных и гуманитарных (а также иногда и естественных) наук и имеющих целью, согласно манифесту проекта, «продвижение российской гуманитарной научной мысли в международное научное сообщество, формирование нового поколения ученых-гуманитариев в России, противодействие изоляционистским тенденциям в научной сфере». К сожалению, уже упомянутые выше обстоятельства времени и места серьезно препятствовали осуществлению проекта: в 2020 году цепочка конференций прервалась из-за пандемии, а последующие события, как казалось, и вовсе похоронили проект. То, что в 2024 году проект удалось возродить, является, несомненно, выдающимся достижением его организаторов, а также их партнера в Армении — Ереванского центра международного образования.

Конференцию открыл пленарный доклад французского социального антрополога Арно Эскера (Национальный центр научных исследований, Париж). Труды этого ученого не очень хорошо знакомы российским исследователям, не читающим по-французски, хотя широта их тематики поражает — от практик «промывки мозгов» (*brainwashing*) в религиозных культурах через исследование клиентов гадалок, астрологов и других «практиков паранормального» до влияния массового введения кремации на отношение и практики взаимодействия с усопшими в современной Франции. Свой англоязычный пленарный доклад исследователь посвятил, по его собственному выражению, «французским идеям о неопределенности» и их связи с социальными институтами и исследованиями в социальных науках. Определив «неопределенность» как «невозможность знать что-то, что для нас важно» исследователь указал на необходимость различать «уменьшаемую неопределенность», когда невозможность точного знания может быть частично компенсирована расчетом вероятностей или хотя бы ограничением числа альтернатив, и «неуменьшаемую неопределенность», при которой такая компенсация невозможна. Важной функцией наук, искусств, религии и эзотерики является, по мнению исследователя, работа с уменьшаемой неопределенностью путем ее все большего уменьшения, либо создания видимости такового. Последнее, кстати, характерно далеко не только и даже далеко не столько для эзотерических предсказаний. Как указал Эскер, характерные для современных общественных наук статистические исследования, такие как расчеты уровня самоубийств, школьной успеваемости, заболеваемости и т.д. для определенных сообществ, создают видимость уменьшения неопределенности в этих сферах, но на самом деле не уменьшают ее, поскольку, как известно любому изучавшему математическую статистику, они не дают возможности делать заключения о вероятности самоубийства, болезней, тех или иных экзаменационных оценок в отношении конкретных членов этих сообществ, а именно такое знание, скорее чем знание среднего по группам, действительно важно для нас (и его отсутствие создает неопределенность). С другой стороны, эзотерические предсказания помогают уменьшить неопределенность для их заказчика, структурируя определенным образом его будущее: объявляя, что неудачи, какие бы они ни были, будут сменяться в его или ее жизни удачами (что, несомненно, правда). Предсказатель заставляет клиента увидеть свое будущее в более определенном свете. Наконец, одна из важных функций общественных институтов, включая государство, заключается в том, чтобы превращать неуменьшаемую неопределенность в сфере социальных взаимодействий в уменьшаемую, делая одни формы человеческого поведения более (а другие — менее) вероятными и, соответственно, увеличивая уровень доверия между людьми. Преодоление неопределенности, таким образом, является важным мотивом человеческой деятельности, включая общественную, научную и творческую.

Работа первого дня конференции проходила в рамках четырех секций — шедших, к сожалению, часто параллельно. Такой регламент, однако, позволил отвести на каждый секционный доклад по 30 минут — достаточно много времени для конференции такого масштаба, — причем докладчики были сами вправе решать, какую часть этого времени занять докладом, а какую оставить на вопросы.

Первую секцию конференции под названием «*Теоретические подходы к анализу неопределенности*» открыл доклад Александра Панченко (Европейский университет в Санкт-Петербурге / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург) «*Conspirituality в современной российской культуре: “общество риска” и новые религиозные онтологии*», посвященный конспиритуальности — явлению в религиозной жизни, известному с 1970-х годов, но получившему особое распространение в России в последние десятилетия. Сущность этого явления составляет соеди-

нение активного поиска путей духовного преображения себя и мира (*spirituality*) с верой в одну или сразу несколько теорий заговора (*conspiracy*) — явлений, которые еще совсем недавно считались практически (если даже не логически) несоединимыми. Примерами конспиритуальности в религиозной жизни современной России является распространение среди православных, особенно активных членов приходских социальных сетей, веры в существование суперкомпьютера «Зверь», расположенного где-то за рубежом и собирающего информацию о жизни каждого человека на земле — разумеется, с целью установления тотального контроля. Другим примером недавних лет может быть распространение среди тех же активных членов православных приходов веры в «люцеферин» — вещество, лишшающее человека воли и добавляемое некими злыми силами в вакцину против COVID. Как показал исследователь, оба сюжета имеют явные аналогии за пределами России и скорее всего распространились из США, где они впервые были замечены в среде так называемых консервативных евангеликов. Распространение этих сюжетов, преодоление ими политических и конфессиональных границ, да и вообще распространение самого явления конспиритуализма требуют объяснения. По мысли докладчика, они связаны с ростом неопределенности и растущим в обществе ощущением опасности (сложением общества риска по Ульриху Беку), особенно опасности потери агентности. Такая потеря может быть вызвана, например, техническим прогрессом.

Работу секции продолжил дистанционный доклад *Виктории Васильевой* (Университет Париж III Новая Сорбонна, Франция / Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алма-Ата, Казахстан), подготовленный совместно с *Алексеем Васильевым* (Варшавский университет, Польша), «*Лиминальность как аналитический инструмент анализа социально-культурной неопределенности: история и современное состояние проблемного поля*». Докладчица подробно рассмотрела историю этого понятия от его введения в научный оборот антропологом Арнольдом ван Геннепом в конце 1940-х в связи с анализом обрядов перехода, через труды Виктора Тернера и до современной политической антропологии. Васильева показала, что в начале своего существования понятие «лиминальность» относилось к временному, переходному состоянию, которое должно смениться состоянием стабильности. При этом некоторый элемент неопределенности относительно исхода лиминальности отмечался уже в ранних исследованиях. С течением времени, однако, акцент в понимании лиминальности все более переносился с временности этого состояния на неопределенность его исхода, т.е. дальнейшего развития. В современной литературе лиминальность может пониматься как длительное состояние, однако оно по-прежнему понимается как переходное, неустойчивое и, главное, непредсказуемое и неопределенное. К сожалению, докладчице не хватило отведенного времени для того, чтобы рассмотреть, как литература по лиминальности может быть использована при анализе неопределенности. Тем не менее, о перспективности такого использования несложно догадаться. Например, значительная часть этой литературы, посвященная переживанию лиминальности, вполне может быть привлечена к анализу влияния неопределенности на человеческое поведение и эмоции.

Тему исследования лиминальности (переходности) и ее связи с исследованием неопределенности продолжил доклад «*Как исследовать эпохи неопределенности: три возможных подхода*» *Ирины Прохоровой* («Новое литературное обозрение», Москва). Ее выступление было посвящено трем специальным тематическим номерам журнала «Новое литературное обозрение», затрагивающим переходные эпохи и моменты в новой и новейшей истории. В одном из них детально, буквально по дням, проанализирован 1990 год в истории России — последний год существования

СССР. В другом — месяц август, несколько раз на протяжении XX века определявший судьбу России и Европы: в 1914 (начало Первой мировой войны), 1939 (начало Второй мировой войны), 1945 (окончание Второй мировой), 1968 (студенческие протесты и ввод советских войск в Чехословакию — подавление Пражской весны) и 1991 (августовский путч в СССР, положивший конец существованию этого государства). Наконец, последний выпуск посвящен окончанию эпохи длинного XIX века. Докладчица показала, что подобные всесторонние исследования отдельных переходных исторических моментов могут очень многое сказать о неопределенности, ее переживании людьми и человеческом поведении под ее влиянием.

Осмысление исторических событий находилось в центре внимания и в докладе философа истории *Андрея Олейникова* (Билефельдский университет, Германия) «*Неопределенная историчность: сохраняет ли различие между прошлым и настоящим свою нормативную роль для исторического мышления?*» Олейников отметил, что характерное для эпохи модерна противопоставление прошлого и настоящего, трактующего прошлое как нечто свершившееся, объективно ставшее, неизменное и существующее вне и помимо нашей воли в противовес изменчивому, становящемуся и подчиненному хотя бы в какой-то степени нашей воле настоящему, является по сути сконструированным и нормативным: такое противопоставление важно, например, для обоснования претензий исторической науки на объективное знание и силы ссылок, например, в политической сфере, на исторические примеры. В то же время у этого противопоставления есть серьезные проблемы: его ставят под сомнение как случаи продолжающегося переживания событий прошлого его участниками, так и постоянное переосмысление, переинтерпретация и, следовательно, изменение прошлого самими историками с позиции современности, что подчеркивает течение презентизма в философии истории. Поэтому справедливо поставить вопрос: сохраняет ли различие между прошлым и настоящим смысл в современной исторической мысли? Сам докладчик, если мы правильно его поняли, склоняется к позиции умеренного презентизма, выраженной, например, в трудах малоизвестного в нашей стране немецкого философа Ахима Ландвера. Согласно этой позиции, прошлое и настоящее имеют все-таки несколько различные онтологический и эпистемологический статусы, однако граница между ними не абсолютна, проницаема и в любом случае не может иметь нормативной роли. Доклад вызвал интересный обмен репликами об истоках и сущности презентизма и, в частности, о времени его возникновения (Олейников отнес его к началу XX столетия).

Завершающим на секции стал онлайн-доклад *Кирилла Постутенко* (Билефельдский университет, Германия / Хельсинкский университет, Финляндия) «*Неопределенность*»/«*Свобода*»: *приключения понятийной пары*» о соотношении неопределенности и свободы. Оттолкнувшись от известного замечания (приписанного им Джону Кейнсу) «неопределенность делает нас свободными», докладчик показал, что дихотомия неопределенности и свободы имеет отношение к ситуации выбора между альтернативами, точнее наличия или отсутствия сил, принуждающих нас в такой ситуации сделать определенный выбор. Если мы правильно поняли мысль Постутенко, отсутствие или по крайней мере невыраженность таких сил маркирует свободу выбора. С другой стороны, поскольку альтернативы в такой ситуации представляются более или менее равными, выбор между ними оказывается связанным с неопределенностью. Таким образом, ситуация выбора с минимальным принуждением / подталкиванием может трактоваться и как ситуация свободы, и как ситуация неопределенности. Докладчик привел примеры такого альтернативного толкования из недавней политической истории США и из средневековых текстов, показывающих, что рассматриваемая дихотомия является достаточно старой.

Параллельно с первой секцией в другом зале проходила панель «*Личные нарративы в эпоху неопределенности*», на которой обсуждалась роль неопределенности в индивидуальных биографиях и биографических нарративах. Спектр источников, использованных докладчиками, включал устные воспоминания и трудовые автобиографии, материалы архивной коллекции Исаака Минца, личные дневники и газетные публикации. Отталкиваясь от этих материалов, докладчики пытались определить биографическое место неопределенности, неизбежно составляющей важный параметр человеческой жизни в любую эпоху.

Доклад «*Разговоры о страшном: механизмы фольклоризации нарративов о войне от ВОВ до наших дней*» Сергея Белянина (ШАГИ ИОН РАНХиГС, Москва) и Екатерины Закревской (ИНИОН РАН, Москва), участников исследовательской группы «Мониторинг актуального фольклора», собиравшей (начиная с 2012 года) материалы о проведении акции «Бессмертный полк», был посвящен фольклоризации военного прошлого в современных устных историях. Используя три примера биографических рассказов, Белянин и Закревская проанализировали эффект остенсии (это понятие было введено Линдой Дег и Эндрю Важони), связанный с влиянием фольклорного текста на реальное поведение людей, и пришли к выводу о том, что рассказ о прошлом становится способом продемонстрировать и аргументировать политические взгляды в ситуации, когда разговор о политике затруднен, а сама память приобретает повышенный остенсивный потенциал.

Наталья Граматчикова (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) в докладе «*“Ура не получилось”: неопределенность в трудовых биографиях и рукописных историях предприятий (1970-х — 2000 гг.)*» рассказала о любительских автобиографиях и мемуарах, написанных сотрудниками уральских предприятий в 1970–1980-е и 2000-е годы. Используя в качестве сквозной метафоры образ белого медведя, с невозмутимым видом шагающего по плывущим льдинам, докладчица локализовала в биографических текстах ситуации неопределенности и показала, с помощью каких риторических и повествовательных приемов они нейтрализуются авторами для того, чтобы личная история приобрела эпические и устойчивые формы.

Иван Грибков (ИОН РАНХиГС, Москва) в докладе «*Затянувшийся выбор: творческая интеллигенция оккупированной Одессы в пространстве неопределенности*» представил биографии актеров, служивших в Одесском драматическом театре в период оккупации города во время Второй мировой войны, используя интервью, опубликованные в 1942–1943 годах в газете «Буг», и архивные документы из коллекции Исаака Минца. Обращаясь к этим материалам, Грибков интерпретировал опыт работы при оккупационном режиме как период неопределенности в жизни актеров, который в биографических нарративах одновременно служил и поводом для оправданий, и описывался как личная жертва принесенная во имя высших ценностей.

Доклад Светланы Амосовой (Институт славяноведения РАН, Москва) был озвучен «*Понятия судьбы и провидения в нарративах о Холокосте*». Обращаясь к материалам интервью, записанным в бывших еврейских местечках России, докладчица показала, что в своих воспоминаниях люди интерпретируют акты геноцида как неизбежные, используя в качестве объяснительной модели концепцию фатальности и судьбы, изменить которую невозможно.

Последний доклад в этой секции «*“И прошлое видится сном...”: пермские студенты-историки 1987–1991 годов о судьбах социализма в СССР (по эго-документам)*» был посвящен еще одному периоду неопределенности — эпохе перестройки и рецепции реформ конца 1980-х годов в студенческой среде Пермского университета. Андрей Кабацков (Пермский государственный национальный ис-

следовательский университет) работает с материалами политического кружка «Актуальные проблемы современности», созданного в 1985 году студентами-историками, подхватившими реформаторские призывы Горбачева. Обращаясь к личному дневнику одного из студентов, позволяющему реконструировать события 1987–1989 годов, Кабацков продемонстрировал множество противоречий, возникших как внутри самого кружка, так и между официально поддерживаемой идеологией перестройки и теми локальными формами политического активизма, которые возникли на ее основе.

Третья секция — «*Антропология неопределенности: понятия, аффекты, нарративы*» — состояла из двух частей и включала семь докладов, посвященных современным формам неопределенности, с которой столкнулись жители России в последние годы. В рамках докладов, представленных на панели, обсуждались различные подходы к анализу субъективно и социально проживаемых форм неопределенности, проблемы разрыва и поддержания связей, вызванные эмиграцией представителей близкого социального круга, формирование новых сообществ и новых идиом кризисной темпоральности. Докладчики представили материалы больших проектов 2022–2024 годов, включающих глубинные интервью с представителями самых разных групп россиян — как оставшихся в стране (доклады *Анны Зайцевой* (Тулузский университет им. Жана Жореса, Франция) и *Елены Коркиной* (независимый исследователь)), так и покинувших ее (совместный доклад *Федора Веселова* и *Алисы Алиевой* (оба — Университет Джорджа Вашингтона, США), а также доклад *Даны Степановой* (независимый исследователь)). Работая с этими материалами, исследователи помещали их в сравнительный контекст наряду с другими примерами жизни в нестабильные и экстремальные времена, а также другими формами транснациональной миграции, с которой сталкиваются все современные страны. Используя такие понятия, как «поломка времени» (Коркина), «множественность дома» (Степанова), «треугольник страха» (Веселов, Алиева) и «частичное доверие» (Зайцева) докладчики анализировали социальные и эмоциональные эффекты проживаемой неопределенности. Два доклада были посвящены особенностям языка современных медиа, который используется для описания и обсуждения критических событий 2022–2024 годов, а также формированию и диверсификации эмоциональных сценариев репрезентации травмирующих событий. *Лидия Енина* (Уральский гуманитарный институт УрФУ, Екатеринбург) сравнила два региональных телеграм-канала, обращаясь к проблеме использования эзопова языка и двоемыслия, а *Дарья Радченко* (ШАГИ ИОН РАНХиГС, Москва) использовала понятие «киберкасание» кризиса, предложенное Ади Кунстман, чтобы определить существующие эмоциональные режимы обсуждения болезненных вопросов и появление так называемых «эмоциональных карманов», диктующих жесткие нормы допустимой эмоционализации высказываний. В заключение секции *Екатерина Мельникова* (Европейский университет в Санкт-Петербурге) и *Зинаида Васильева* (Мюнхенский технический университет, Германия) провели круглый стол, посвященный сложностям и перспективам исследований неопределенности в эпоху современной турбулентности в России.

Четвертая секция первого дня конференции «*Художественная рефлексия о неопределенности*» была посвящена связи неопределенности с художественным творчеством. К сожалению, формат обзора не позволяет рассказать обо всех докладах, прозвучавших в рамках этой интереснейшей секции. Остановимся только на наиболее теоретически важных.

Сергей Зенкин (Европейская академия, Лондон) в своем докладе «*Художественная литература и опыт неопределенности*» рассмотрел феномен неопределенности в художественном литературном тексте и показал, что этот феномен

можно обнаружить на различных уровнях. На уровне феноменологии любой текст схематизирует действительность, заставляя читателя додумывать ее по-своему (тематическая неопределенность); на уровне риторики неопределенность создается такими средствами, как метафора и эллипс (фигуральная неопределенность); на уровне восприятия художественный текст заставляет читателя порывать с объективной реальностью и уходить в неопределенный мир субъективных переживаний (субъектная неопределенность); а на уровне самой ткани повествования мир текста гораздо менее детерминирован и в этом смысле более неопределенный, чем реальный мир (историческая неопределенность). Особое внимание в докладе было уделено коммуникативной неопределенности, возникающей из взаимодействия двух локусов коммуникации, содержащихся в тексте, — семиотического (собственно знакового) и миметического (возникающего из-за того, что читатель неизбежно ставит себя на место героя или автора текста и пытается сопереживать ему). Расхождение или иногда противоречие между этими локусами коммуникации создает ощущение неоднозначности мира и опыта в нем и, как показал докладчик на примере текстов Стендаля, может являться эффективным способом художественного познания мира.

Венгерская исследовательница *Тюнде Сабо* (Печский университет, Венгрия) в своем докладе «*Категория “неопределенности” и ее контексты в работах Ю.М. Лотмана*» проследила изменение роли, отводимой феномену неопределенности в теоретических построениях Юрия Лотмана. Она показала, что пока в центре внимания Лотмана находились в основном тексты художественной литературы, неопределенность не играла особой роли в его построениях, хотя иногда и учитывалась им. Это, судя по всему, было связано со статичностью создаваемых теоретических моделей. Неопределенности стало предаваться большее значение после того, как в центре внимания Лотмана оказывается кино, где статичные модели становятся недостаточными. Наконец, когда исследователь поставил перед собой задачу теоретически осмыслить сам феномен культуры, неопределенность стала одним из центральных элементов такой теории: одновременно свойством и движущей силой динамики культурных систем. Доклад Сабо произвел большое впечатление на участников секции, хотя заявленная ей трактовка неопределенности как «отсутствия информации» вызвала среди них некоторое недоумение.

Татьяна Автухович (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Беларусь) в своем докладе «*Моделирование возможных вариантов будущего в ситуации неопределенности (на материале современной русской литературы)*» о характерных чертах современных российских антиутопий связывает эти черты — крайний пессимизм, изображение мира будущего как времени бесконечных войн, социальных конфликтов и расчеловечивания — с чувством неопределенности и страха перед будущим, вызванного, по крайней мере в нашей стране и постсоветском пространстве, так и не избытой травмой прошлого, травмой настоящего, связанной с быстрыми изменениями, к которым не удается приспособиться, и кризисом идентичности.

Наконец, *Анна Новикова* (НИУ ВШЭ, Москва) и *Юлия Лернер* (Университет имени Бен-Гуриона, Израиль) посвятили свой доклад «*Молодые герои пост-памяти между социальной критикой, национальной политикой и развлекательным жанром: “Совецка” (Израиль, 2023) и “Слово Пацана” (Россия, 2023)*» анализу образов и поведения героев двух стримминговых «хитов», завоевавших популярность и ставших предметом широкого общественного обсуждения каждый в своей стране: израильского сериала «Совецка» и российского сериала «Слово пацана». По мнению докладчиц, герои обоих сериалов пытаются обрести идентичность и выстроить отношения между собой и обществом в эпоху перемен и неопределен-

ности (конец 1980-х в СССР и предвоенное десятилетие в Израиле). При этом важной составляющей таких попыток является конструирование постпамяти — образа исторических событий и процессов, которые сам герой в силу своего возраста переживать не мог. Доклад был очень интересно построен, иллюстрирован отрывками из сериалов, которые вызвали особенный интерес аудитории потому, что сериал «Советца» недоступен к просмотру за пределами Израиля. После выступления состоялась долгая и интересная дискуссия, которая, правда, касалась в основном сериала «Слово пацана»: насколько его создание было ответом на политический заказ, а насколько — на запрос, реально существующий в обществе, насколько он отражает реальный опыт старших поколений и насколько он инструментален в формировании постпамяти современной российской молодежи.

Второй день конференции начался с пленарного доклада политолога *Александра Искандаряна* (Институт Кавказа, Ереван) под названием «*Вихри враждебные веют над нами*». В своем выступлении исследователь подробно рассмотрел распространенную в современном анализе международных отношений позицию, в соответствии с которой в мире наступает период неопределенности, когда перестают действовать прежние аналитические инструменты и даже сам язык описаний, на котором они базируются (например, противопоставление идеализма и рационализма в международной политике). Признав, что этот взгляд действительно отражает определенные и важные изменения в международных отношениях, докладчик отметил, что он основывается на ряде распространенных в современной политологии интерпретаций, которые вполне могут быть подвергнуты критике. Так, например, считается, что система международных отношений, вступающая сейчас в эпоху неопределенности, сложилась после Вестфальского мирного договора, завершившего Тридцатилетнюю войну в Европе. Однако исторический анализ показывает, что хотя Вестфальский договор и выдвинул ряд идей, призванных оформить и упорядочить отношения между политическими игроками на международной арене (и дать определение самим этим игрокам), практическое влияние этих идей было в лучшем случае весьма ограниченным: международные отношения оставались хаотичными и их анализ неопределенным. То же самое можно сказать о последующих попытках упорядочить международные отношения, такие как Венский конгресс 1814–1815 годов и создание Лиги наций после Первой мировой войны. Привнести определенность в международные отношения удалось лишь после Второй мировой войны, что было связано с появлением двух конкурирующих центров силы, обладающих средствами уничтожить мир. Однако распад биполярного мира снова сделал международные отношения неопределенными. Таким образом, период, когда международные отношения являлись более или менее определенными, был кратким и исключительным в мировой истории, а нынешний рост неопределенности следует считать скорее возвращением к нормальности, которая будет продолжаться неопределенно долго, как бы это ни было нам горько осознавать.

Секция «*Антропология эмоций в эпоху неопределенности*» объединила исторические доклады, посвященные эмоциональным режимам неопределенности в Российской империи и революционной России. Используя понятие «футуршок» Элвина Тоффлера, *Владислав Аксенов* (ИРИ РАН, Москва) в своем докладе «*Темпоральные модели мышления в эпоху неопределенности 1914–1922 годов: “отложенное будущее”, “наступающее прошлое” и “вечное настоящее”*» рассматривал столкновение различных темпоральных режимов в России периода Первой мировой войны. Определив три типа неопределенностей — неопределенность как состояние футуршока, вызванного стремительным развитием технологий, как конфликт разных темпоральных моделей — и позитивную неопределенность или состояние бифуркации, связанной с сосуществованием как позитивных, так и негативных образов

будущего, — Аксенов пришел к выводу, что именно такая форма неопределенности была характерна для темпорального режима в России в постреволюционную эпоху.

Игорь Нарский (Пермский государственный национальный исследовательский университет) в докладе «*Разрушение во имя преодоления неопределенности (на примере разгромов винных складов в провинциальной России осенью 1917 года)*» представил материалы, с которыми уже неоднократно работал с начала 2000-х годов. Рассматривая распространение погромов винных складов, начавшихся после введения в 1914 году запрета на торговлю алкоголем, Нарский использовал тезис Норберта Элиаса о сокращении цепочек действий, в которые включен индивид, в обществах без стабильной монополии на насилие, и показал, как в периоды падения авторитета государства на смену длинным цепочкам запланированных действий приходят другие модели поведения, ориентированные на готовность к риску и сиюминутную удачу.

Светлана Волошина (ИОН РАНХиГС, Москва) в выступлении «*“Завидовать тем, которые ушли от этого волкана в покойное пристанище нашей святой Руси”: ощущение неопределенности у Николая I в 1848 году и ее последствия*» обратилась к еще более раннему примеру столкновения с неопределенностью в российской истории, рассмотрев реакцию Николая I на революционные события во Франции 1848 года. Опасаясь распространения европейских революционных настроений, Николай I, как показала Волошина, пытался обуздать страх и неопределенность, представляя Россию оплотом спокойствия и стабильности, островом закона и порядка посреди охваченной революционным пожаром Европы.

Продолжая тему работы с неопределенностью, *Татьяна Петрова* (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «*Нормативные эмоции и символическое сопротивление в реакциях советских граждан на смерть В.И. Ленина и И.В. Сталина*» проанализировала спектр эмоциональных реакций на смерть Ленина и Сталина. Используя в качестве материалов сценарии похорон, газетные публикации, письма во власть и дневники современников, Петрова подчеркнула, что несмотря на официальную риторику нейтрализации эффекта неопределенности, обе смерти спровоцировали всплеск критических ожиданий и страхов, вызванных разрушением горизонта будущего. Однако, если в случае смерти Ленина, неопределенность и ужас перед грядущим соединялись для большинства людей с чувствами горечи и утраты, то в 1953 году эмоциональная реакция была более диверсифицированной, разделив тех, кто вторил официальным СМИ, воспроизводя идиомы горя и печали, и тех, кто испытывал радость, надеясь на возможные перемены в стране.

Вторая секция второго дня конференции «*Общество и закон в турбулентные эпохи*» была посвящена роли неопределенности в праве и правоприменении и проблемам, связанным с ней, — теме, которая занимает, пожалуй, одно из центральных мест в юридической науке с момента ее создания, и которая приобрела в последнее время особую общественную значимость в нашей стране. Заседание открыл доклад *Николая Плотникова* (Рурский университет Бохума, Германия) «*Идея справедливости — поиск нормы в ситуации неопределенности*», посвященный понятию справедливости и (особенно) трактовке этого понятия в тех ситуациях, когда применение существующих писанных правил и норм затруднено или они не могут быть применены однозначно, то есть в ситуации правовой неопределенности. Обратившись к развернутой теории справедливости, содержащейся в «Никомаховой этике» Аристотеля, докладчик обратил внимание, что в ней разделяются два понятия, связанные со справедливостью: δικαιοσύνη (dikaiosyne, в русском переводе — справедливость), заключающееся в неукоснительном соблюдении законов и норм, а также равенстве в распределении наград и наказаний, и ἐπιείκεια (epieikeia, на русском в разных переводах — соразмерность, доброта, правда), относящаяся к си-

туационным суждениям в условиях неопределенности, когда применение закона невозможно из-за неясности самой ситуации, потому что закон в таких ситуациях неприменим, либо потому, что его применение нежелательно, поскольку нарушает принцип равенства — или по другим причинам. Аристотель считал, что *ελευθερία* стоит выше *δικαιοσύνη*. Разделение этих двух типов справедливости сохранялось в европейском праве и в средние века, когда считалось, что, принимая решение о наказании, судья должен руководствоваться милосердием скорее, чем законом. В новое время применение *ελευθερία* в праве отрицалось из-за органически присущей ей субъективности и произвольности, но полностью избавиться от него оказалось невозможным. Поэтому и в современном праве признается, что механическое применение закона не всегда справедливо, и этим открывается дорога к субъективности и произвольности в праве. Можно сказать, что поскольку праву постоянно приходится сталкиваться с неопределенностью, оно обречено вечно искать путь между Сциллой механистичности применения закона и Харибдой произвола, о каждую из которых справедливость рискует разбиться.

Тему продолжил доклад *Антон Лютынского* (Череповецкий государственный университет) «*Революционная законность без закона: советская уголовная юстиция и неопределенность (1917–1922): по материалам северных советских губерний (Вологодская, Череповецкая губернии)*», посвященный попытке полностью отбросить аристотелевскую *δικαιοσύνη* и оставить лишь *ελευθερία*, предпринятую в первые постреволюционные годы в России. Как хорошо известно, в период с 1917 до примерно 1922 года старые законы (кроме некоторых процессуальных норм) на территории, подконтрольной «красным», были отменены и судебные решения предполагалось выносить исходя из революционного правосознания, справедливость которого гарантировалась правильным классовым происхождением. В докладе подробно описывалось, как проблемы, к которым это приводило, заставляли самих правоприменителей вернуться к кодификации права. Выступление вызвало оживленную дискуссию в том числе о том, как замещение закона классовым правосознанием сказалось на суровости приговоров. Докладчик отметил, что судить о суровости приговоров в данном случае трудно: с одной стороны, количество смертных приговоров в этот период и правда было большим, но с другой — остальные приговоры оказывались удивительно мягкими, возможно, из-за малого количества и плохого состояния тюрем. Широко применялись амнистия и условные наказания, в том числе «расстрел условно».

Доклад *Анны Разогреевой* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) «*Находка — это кража, переписка в ВК — насильственные действия сексуального характера, все, что угодно — мошенничество: как работают и что чувствуют адвокаты в условиях “темного” уголовного закона и непредсказуемой правоприменительной практики*» был посвящен состоянию адвокатского дела в современной России. Он начался с замечания, что одной из функций закона является предупреждение преступлений посредством внесения ясности в то, какие действия и каким образом наказуемы. Однако в современной России закон не выполняет этой функции, поскольку правоприменительная практика полностью непредсказуема: очень сложно предсказать, какие действия могут быть квалифицированы как преступные сейчас или в будущем. С другой стороны, начало уголовного преследования у нас в стране фактически делает неизбежным наказание, поскольку оправдательных приговоров суды практически не выносят (а если они случайно выносятся, то их отменяют). Поэтому российская адвокатура не может выполнять ни консультативную (поскольку правоприменение полностью неопределенно), ни защитную (поскольку итоги судебного рассмотрения полностью определены) функции и находится в кризисе.

Наконец, последний доклад секции «*Легалистический милленаризм в движении “Граждане СССР”: новые версии постсоветского недовольства*», с которым выступил *Сергей Штырков* (Ереванский центр международного образования, Армения), был посвящен достаточно странному явлению в жизни современной России — движению «Граждан СССР»*. Это движение, как ни удивительно, целиком и полностью основано на понятии и интерпретации права: в его основе лежит убежденность, что с правовой точки зрения Советский Союз до сих пор существует и с помощью определенных юридических действий любой россиянин может восстановить свой статус гражданина СССР и получить связанные с этим права и льготы, включая получение крупных денежных выплат, возможность не платить за коммунальные услуги, не возвращать кредиты, а также освобождение от службы в армии и мобилизации. Несмотря на всю абсурдность этого убеждения, оно отражает определенное правосознание. Впрочем, как показал докладчик, движение является копией западных образцов и во многом повторяет их риторику.

Вечерняя часть второго дня конференции включала секцию «*К антропологическому пониманию неопределенности: взгляд из Арктики*», которая началась с длинного (представлявшего собой три совмещенных тридцатиминутных сообщения) доклада *Кирилла Истомина* (Европейский университет в Санкт-Петербурге / Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар), *Елены Лярской* и *Валерии Васильевой* (обе — Европейский университет в Санкт-Петербурге) о проблемах, связанных с исследованием феномена неопределенности в антропологии. Антропология позиционирует себя как наука, цель которой — взглянуть на мир глазами представителей изучаемых сообществ и описать, как мир выглядит с их точки зрения. Таким образом, антропология неопределенности должна описывать неопределенность — или ситуации неопределенности — с точки зрения представителей различных локальных сообществ. Однако оказывается, что понятие «неопределенность» совсем не так распространено, как порой кажется академическому сообществу: опыт антропологического изучения неопределенности в Арктике, полученный докладчиками в ходе выполнения большого проекта РНФ, показывает, что это понятие не только отсутствует в языках многих народов Севера, но и не является частью активного словаря большинства русскоязычных жителей этого региона. Большое количество информантов испытывали сложности с пониманием и интерпретацией этого слова. Другие интерпретировали это понятие не так, как исследователи. Как можно описать неопределенность с точки зрения информантов, у которых нет понятия неопределенности, или это понятие радикально отличается от нашего? Докладчики предложили несколько подходов к преодолению этой трудности. Один из них заключается в исследовании взгляда информантов на классы ситуаций и феноменов, которые мы, как исследователи, считаем связанными с неопределенностью, и которые, в этом случае, следует описать в терминах близких информантам. Так, в своем исследовании докладчики применили этот подход, спрашивая информантов не о неопределенности, а о возможности и горизонте планирования в разных ситуациях. Другой подход состоит в изучении тех феноменов, которые сами информанты связывают с неопределенностью, если такие феномены есть. Второй подход более антропологичен и ведет к интересным результатам: например, он демонстрирует, что неопределенность для некоторых информаторов носит нормативный характер. Первый подход, с другой стороны, позволяет антропологам участвовать в междисциплинарных проектах изучения неопределенности, дополняя данные других наук. Возможно и совмещение обоих подходов.

---

* Движение признано Минюстом РФ экстремистской организацией 19.08.2022.

Тему этого выступления частично продолжил короткий доклад «*Неопределенность вне “голов информантов”*»: значение языкового регистра» Анастасии Карасевой (Тартуский университет, Эстония / Гамбургский университет, Германия): на основе исследования базы данных устных диалогов и переписок в мессенджерах она показала, что употребление термина неопределенность характерна для определенного регистра речи — разговоров, чаще всего затрагивающих профессиональные либо общественно-политические темы, причем оно спонтанно встречается в основном у образованных профессионалов. Поскольку полевые антропологические интервью ведутся обычно в ином регистре, проблемы, возникающие с понятием «неопределенность» при их появлении, вполне логичны. Это не значит, однако, что информанты не сталкиваются с неопределенностью, но сам термин в интервью следует заменять. В дискуссии после доклада было, впрочем, высказано мнение, что понятие регистра в данном случае, возможно, излишне: скорее всего активное использование термина характерно именно для определенной социальной группы (образованные профессионалы), и проблемы с ним возникают при обращении ко всем другим группам.

Два завершающих доклада секции были посвящены неопределенности в жизни мигрантов и транспортной неопределенности в Арктике (то есть неопределенности, связанной с неразвитостью и непредсказуемостью — в силу погодных условий — транспортной инфраструктуры). В первом из них, «*Неопределенность как стратегия, опасность и ресурс в миграции из Дагестана в Арктику*», Екатерина Капустина (Европейский университет в Санкт-Петербурге) исследовала неопределенность, с которой встречаются мигранты из Дагестана на севере Западной Сибири. Докладчица показала, что эта неопределенность вовсе не связана исключительно с местом прибытия. Несмотря на то что мигранты из Дагестана транслोकальны (то есть не теряют связей со своей родиной и постоянно посещают ее), при долгой жизни на Севере они утрачивают некоторые навыки жизни на родине и социальные связи, необходимые для нее, поэтому неопределенность они начинают испытывать и при возвращении в родное село. Во втором докладе, «*Управление неопределенностями: работа активного ожидания во время переезда в Чукотку*», Елена Давыдова (Венский университет, Австрия) исследовала практики активного ожидания, используемые жителями Чукотки во время путешествий на различных видах транспорта по своему региону. Поскольку транспортная инфраструктура бедна и непредсказуема, использование ее всегда включает элемент неопределенности и сопряжено с удачей, которую приходится ждать. Однако удачу эту можно приблизить некоторыми приемами, связанными с активным поиском транспорта или хотя бы регулярным напоминанием о себе.

Параллельно с секцией, посвященной опыту антропологического изучения неопределенности в Арктике, в другом зале проходила секция «*Проблемы управления в переломные эпохи*». Первая часть панели объединила три доклада, авторы которых использовали очень разные подходы и методологии. Тем не менее, во всех трех случаях в центре оказывался процесс дестабилизации структур, выполнявших роль несущих конструкций государственного режима. В первом докладе «*Антропология серой зоны. Терезинское гетто*» Марины Корецкой (Самарский государственный медицинский университет) такой структурой было Терезинское гетто, созданное в 1941 году в качестве потемкинской деревни, образцово-показательного лагеря для еврейской элиты Рейха, использовавшееся как пропаганда для демонстрации комфортных условий содержания евреев в нацистской Германии. Несмотря на то что Терезиенштадт служил для многих евреев лишь транзитным пунктом для последующей отправки в Аушвиц и другие лагеря смерти, а в самом Терезинском гетто умерло больше половины узников, лагерная инфраструктура имитировала

гражданские формы жизни и самоуправления. Докладчица обратилась к вопросу об организации среды, порождающей эффект неопределенности статусов жертвы и палача, и поведению людей, оказавшихся в ситуации такой аномии, как этот статус называет Джорджо Агамбен. Кореецкая выделила несколько стратегий поведения, включающих как коллаборационизм, так и разные формы умолчаний, уловок и сопротивления, которые интерпретировались как способы проживания неопределенности собственного статуса, положения и роли.

В центре доклада *Степана Козлова* (МВШСЭН, Москва) «*Видение “Катастрофы”*: строительство Чернобыльской атомной электростанции» оказалась другая структура — Чернобыльская АЭС, служившая символом успехов советского атомного проекта. Авария 1986 года не только дестабилизировала саму эту структуру, разрушив ее символическое значение, но и сама по себе стала примером эпистемической неопределенности, как ее назвал докладчик, — ситуации, лишенной интерпретативных моделей, разворачивавшейся и принимавшей определенные формы непосредственно в процессе развития самой техногенной катастрофы. В своем выступлении Козлов тщательно реконструировал процесс превращения неопределенности аварии в собственно «чернобыльскую катастрофу», результатом которой стала трансформация советской ядерной энергетики.

В заключительной части заседания *Екатерина Мельникова* (Европейский университет в Санкт-Петербурге) в докладе «*Цена неопределенности: переговоры о передаче исторического и культурного наследия в эпоху перемен*» представила еще одну структуру, существовавшую в позднесоветскую эпоху, но дестабилизированную в процессе реформ 1980-х — 1990-х годов. Обращаясь к истории Валаамского архипелага, «градостроительным предприятием» которого с конца 1970-х был историко-культурный и природный музей-заповедник, Мельникова показала, как либерализация отношений с Русской православной церковью, изменение режима собственности и законодательной базы в отношении церковной реституции привели к ситуации неопределенности цены наследия, статус которого еще совсем недавно не вызывал вопросов. Отказываясь от противопоставления секулярных и религиозных групп, интересов и сообществ, Мельникова проблематизировала историю переоценки Валаамского наследия в терминах дестабилизации некогда устойчивого режима наследия, ставшей проблемой для всех участников этого процесса.

Вторая часть этой панели была посвящена проблеме неопределенности как важному элементу управления рисками и одновременно экономическому и политическому ресурсу. Два доклада — *Эвелины Зандер* (Кобленцкий университет прикладных наук, Германия) и *Дарьи Терешинной* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) — были непосредственно обращены к анализу предпринимательской практики работы с неопределенностью. *Эвелина Зандер* представила проект «*Управление в условиях неопределенности: этнографические наблюдения в коммерческом и социальном секторе*», имевший как прикладные, так и научные задачи, связанные с анализом организационной социализации сотрудников на средних и крупных предприятиях Германии. Большой массив данных, собранных в 14 организациях, представляющих разные сферы деятельности, позволил докладчице прийти к выводу о том, что неопределенность входит в число базовых характеристик культуры любого предприятия (по оценкам самих сотрудников), а с другой стороны, является естественным элементом практики управленческих решений и представляет собой норму, а не исключение из правила в современном организационном менеджменте.

Захватывающий доклад *Дарьи Терешинной* «*Семейные предприятия и их риски: на пересечении рынка, дома и эмоций*» приоткрыл завесу над хитросплетениями родственных и деловых отношений в российской практике ведения бизнеса.

Опираясь на материалы длительного антропологического исследования, проведенного в Смоленске, Терешина рассмотрела эти материалы в контексте управления рисками, но рисками, обусловленными не привычной волатильностью больших экономических и политических процессов, а непосредственно связанными с семейными и родственными отношениями, составляющими важный аспект многих форм бизнеса. Докладчица подчеркнула продуктивный потенциал исследования не только социальных отношений, но и социального отделения (*detachment*). Разводы — как реальные, так и потенциальные — определяют бизнес-стратегии современных предпринимателей, выбор форм собственности и типов легализации семейных отношений, а политика «исключающего включения», как Терешина обозначила это явление, пользуясь концепцией Джорджо Агамбена, определяет стратегии предпринимателей по исключению своих потенциальных партнеров по браку из отношений собственности. Подобная политика приводит к фундаментальной двусмысленности самих понятий «брак» и «бизнес», чья нормальность оказывается под вопросом. Акты исключения, встроенные в супружеские отношения в форме незарегистрированного брака или отделения от супружеской собственности, создают серые зоны принадлежности, оставляющие неопределенными отношения к собственным фирмам или семьям, а сама эта неопределенность превращается в важный ресурс для предпринимателей.

Заключительный доклад этой панели перенес участников в более далекие исторические реалии. Глеб Александров (НИУ ВШЭ, Москва) рассказал в своем выступлении «*For our Better Ordering and Preservation: развитие самоуправления и репрезентативной власти в колониях Новой Англии в XVII веке в контексте политической и социальной неопределенности*» об условиях складывания модели управления в колониях Новой Англии XVII века. Он подчеркнул значение так называемой «экзистенциальной неопределенности» как важного элемента пуританского мировоззрения, которая наряду с идеологией, ориентированной на поддержание горизонтальных связей в сообществе, стала залогом формирования устойчивого политического объединения.

Кевин Платт (Университет Пенсильвании, Филадельфия, США), пленарный докладчик третьего дня конференции, посвятил свое сообщение «*Неразличимость и арбитраж в эпоху трех миров*» явлению, которое он назвал «культурным арбитражем». Напомним, что в экономике арбитраж — это получение прибыли от купли-продажи одного и того же товара на разных рынках, основанное на разнице цен между ними. Понятие «культурный арбитраж» в экономике также присутствует — так называется получение прибыли на разнице цен на товар на двух рынках, обусловленной разницей его культурных смыслов (простейший пример — покупка молодых рогов оленя в России, где они стоят относительно дешево, и их продажа в Китае, где эти рога являются важным ингредиентом традиционной медицины и поэтому стоят дорого). Однако Платт использовал этот термин в более широком смысле — как игру на разнице в культурной / эстетической ценности произведений, обусловленной идеологическими или политическими различиями между странами и регионами. Докладчик подробно рассказал, как такой арбитраж работал в случае Говарда Фаста, американского писателя, придерживавшегося в послевоенное десятилетие левых взглядов, и писателя-диссидента Владимира Войновича. Оба автора были лишены доступа к читателю на родине по политико-идеологическим причинам, но пользовались огромной популярностью в стане ее идеологических противников — СССР и странах Восточной Европы в случае Фаста и странах Запада в случае Войновича. Использование культурного арбитража — продвижения своих произведений через «железный занавес» — обеспечило обоим писателям имя, известность и влияние в мире литературы, которое они смогли

в том числе и монетизировать. Например, Войнович получал доход, выдавая уезжающим из СССР эмигрантам-евреям письма своему литературному агенту на Западе с просьбой выдать их подателям определенную сумму из своих гонораров и получая за них эквивалент этой суммы в советских рублях. Благодаря такой операции эмигранты получали возможность вывезти из СССР средства, значительно превышавшие установленный законом обменный фонд. Иными словами, Войнович опять использовал арбитраж, правда на сей раз не культурный. Третьим примером, приведенным докладчиком, стала мексиканская левая группа художников TGP. Создавая художественные произведения, ориентированные на идеологические запросы СССР, эта группа смогла получить и в дальнейшем поддерживать известность в восточном блоке. Такая известность помогала ей продвигать свои произведения в США и других странах Запада, причем в этом случае продвигались произведения, специально созданные для западного зрителя и не предназначенные для экспонирования или продажи в восточном блоке. Обобщая эти примеры, докладчик заметил, что эпохи политического и идеологического раскола в мире, в одной из которых мы, похоже, находимся сейчас, несут, помимо неопределенности (а точнее, во многом благодаря ей) возможности для арбитража в различных сферах, включая, что важно, и культурный арбитраж. После доклада Кевину Платту был задан вопрос, не думает ли он, профессор Университета Пенсильвании, что конференцию в Ереване и его участие в ней можно считать актом научного арбитража в смысле близком к описанному им. Подумав, Платт ответил на этот вопрос утвердительно.

Первая секция заключительного дня конференции «*Антропология города в эпоху перемен*» была посвящена неопределенности в городской среде и собрала доклады из очень разных областей знания. Ее открыло выступление *Тиграна Арутюняна* (независимый исследователь, Москва) «*Архитектура в нестабильной системе*» об архитектуре Еревана постсоветского периода. Докладчик подробно (и используя конкретные примеры) описал, как разрыв со стандартным набором архитектурных стилей советского времени привел к тому, что он назвал «индивидуализацией» архитектуры: каждый строительный проект выполнялся в индивидуальном стиле, часто являвшемся продуктом компромисса между архитектором и заказчиком, видевшими его в совершенно различном свете. Это приводило к известному архитектурному анархизму, эклектике, частому выпадению из архитектурного контекста, но также и к смелым экспериментам с материалами и решениями. Хотя большинство строений этого времени, по всеобщему мнению, выглядит ужасно, докладчик видит в них определенную логику и интерес. Возвращение к порядку началось лишь в первом десятилетии XXI века, причем большую роль в нем сыграли спонсируемые государством мегапроекты, такие как строительство Северного проспекта. В ходе дискуссии, последовавшей за докладом, выяснилось, что те же процессы и особенности характеризовали постсоветский период и в других городах, включая Москву и Санкт-Петербург.

Доклад *Галины Орловой* (НИУ ВШЭ, Москва) «*Сейсмический паспорт 90-х: недвижимость, инженерное гражданство и экспертиза на Камчатке в эпоху тектонических сдвигов*» был посвящен специфической неопределенности, существующей в наиболее сейсмоопасном районе России — на Камчатке. Сейсмическая обстановка в этом регионе такова, что вероятность стихийного бедствия — крупного и разрушительного землетрясения или цунами — в долгосрочной перспективе очень высока, но предсказать его время и точный характер невозможно. Докладчица рассказала, как эти факты осмыслились в позднесоветский период, особенно после землетрясения в Армении, и в постсоветский период, когда сейсмическая настороженность начала уменьшаться. По ее мнению, квинтэссенцией

такой настороженности были сейсмические паспорта городских строений — сейчас практически исчезнувшие.

Доклад *Александры Пиир* (журнал «Антропологический форум» / Европейский университет в Санкт-Петербурге) «*Рождение сообщества из духа неопределенности: петроградские / ленинградские жилые дома от Февральской революции до победы социализма*» был посвящен формам самоорганизации жителей петербургских домов в эпоху политических потрясений с февраля 1917 по конец 1920-х годов. На примере двух домов, располагавшихся в различных районах Петрограда / Ленинграда, докладчица показала, как неопределенность, возникшая после Февральской революции, привела к образованию домовых комитетов сначала для самозащиты жильцов домов от криминала, а затем для поддержания дома в приемлемом состоянии, снабжения жильцов продуктами и так далее. Несмотря на недоверчивое отношение к комитетам большевиков, комитеты продолжали действовать и исполнять эти функции и после октября 1917 года, причем даже их формальное преобразование в домовые комитеты бедноты не привело к серьезным изменениям в их работе и составе. Гораздо большее влияние на них (уже после их преобразования в жилтоварищества) оказала дифференциация квартирной платы в зависимости от классовой принадлежности жильцов и возложение на них обязанностей по ее сбору. Это во многом привело к утрате жилтовариществами престижа и функций к началу 1930-х годов. В целом самоорганизация жителей домов — это еще один пример самоорганизации «снизу», который до сих пор не окончательно изучен.

Наконец, последний доклад секции (докладчицы — *Сабина Балишян, Данил Архангельский и Виктория Астахова* (все — МВШСЭН, Москва)) «*Город без государства: практики, материальные артефакты и мировосприятие в Сергиевом Посаде-15*» описывал бюрократические проблемы и порожденные ими вполне практические неопределенности в жизни населения городка Сергиев Посад-15. Этот бывший военный городок уже второй десяток лет находится в процессе передачи от Министерства обороны к гражданской администрации, что породило административный вакуум, — не совсем понятна даже его региональная принадлежность (официально он относится к Владимирской области, хотя большинство его жителей оказались прописаны в Московской области). Все это порождает целый ряд проблем: достаточно сказать, что жители городка не могут участвовать в выборах, в том числе президентских, из-за того, что неясна их принадлежность к определенному избирательному участку. Несмотря на это, городок вполне продолжает жить и даже иногда испытывает рост населения.

Вторая секция в этот день — «*Образование в эпоху неопределенности*». Три доклада, представленные на заседании, охватывали историю педагогических исканий протяженностью в целый век, начиная с 1920–1930-х годов в докладе *Николая Вахтина и Елены Лярской* (оба — Европейский университет в Санкт-Петербурге) и заканчивая современностью в докладе *Ксении Хайруллиной* (ИМО КФУ, Казань). *Денис Ананин* (МГПУ, Москва) разметил долгую историю советского образования ключевыми вешками. В фокусе докладчиков находились проблемы как средней, так и высшей школы. *Николай Вахтин и Елена Лярская* в докладе «*Этнографическое образование в эпоху неопределенности (1920-е — 1930-е годы)*» сосредоточились на вопросах, вставших перед студентами и преподавателями этнографического отделения Географического факультета Петроградского, затем Ленинградского университета, ставшего первой научной школой этнографии в России и воплощением программы этнографических исследований, разработанной Владимиром Богоразом. Используя значительный корпус архивных материалов, включая письма студентов из полевых экспедиций, докладчики реконструировали

раскол в студенческой среде, вызванный противоречивым значением народнического проекта Богораза в условиях резких изменений политических установок 1920–1930-х годов. Для многих студентов, выбравших университет в качестве социального лифта, народнический фундамент этнографического образования, задуманный Богоразом, утратил свою актуальность, а предлагавшиеся на отделении знания потеряли практическое значение. Расхождение позиций учителей и учеников, отразившееся и на самом студенческом сообществе, Вахтин и Лярская описали с помощью категорий «ученых-карьеристов» и «узников и посланцев». Научные траектории и тех, и других в дальнейшем стали определяющими для советской этнографии.

Денис Ананин в своем выступлении «*Российское учительство в поворотные моменты истории страны: трансформация, переосмысление, саморефлексия*» предложил широкую картину развития российского учительства как социально-профессиональной группы, сравнивая две точки бифуркации — 1920–1930-е и 1990-е годы. Оба периода были связаны с резкими изменениями как в социальном положении самих педагогов, так и с более общими трансформациями экономического и политического порядка. Ананин отметил общие для обоих периодов процессы пролетаризации учительства и слома мировоззренческой системы ценностей, подчеркнув, что именно неопределенность стала формирующим элементом этой профессиональной группы в России.

Ксения Хайруллина продолжила в своем докладе «*Учебники по истории Татарстана периода суверенитета (1993–2000 годы). Поиск новых слов о Золотой Орде*» рассмотрение проблем школьного преподавания, сравнив учебники по истории Татарстана, выпускавшиеся в 1990–2000-е годы. В центре выступления находился исторический нарратив о Золотой Орде, канонизированный советской историографией, но ставший предметом бурных обсуждений в Татарстане после принятия декларации о суверенитете республики. Докладчица показала, как эти дискуссии отразились на разных изданиях учебников, в которых авторитетные ссылки на труды Маркса, Энгельса и Ленина были заменены цитатами из книг Льва Гумилева, и все большее внимание уделялось истории Казанского Ханства и Волжской Булгарии.

На секции «*Гендерные аспекты эпохи неопределенности*» обсуждались особенности рецепции переломных эпох в женских эго-документах. Петербургская исследовательница Мария Нестеренко (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) в докладе «*Эх, вот тоска-то. Что-то дальше будет?: повседневность в девическом дневнике Марии Шкапской (1907–1912)*» представила самый ранний из сохранившихся дневников Марии Михайловны Шкапской (Андреевской), ставшей впоследствии известной поэтессой и журналисткой. Рассматривая тексты 1907–1912 годов, Нестеренко сфокусировалась на гимназической повседневности предреволюционного десятилетия, теме неопределенности и поисках начинающим автором собственной идентичности, отразившихся на страницах дневника.

Юлия Жердева (Самарский национальный исследовательский университет) в своем выступлении «*“Жизнь кажется такой ненужной, нелепой”: эмоциональные маркеры темпоральных стратегий в женских автодокументальных текстах Первой мировой войны*» удачно подхватила тему женских дневников, но сфокусировалась на их особом жанре — фронтовых дневниках женщин-комбатантов. Источником стал текст Юлии Владимировны Буторовой, участницы Первой мировой войны и правнучки Дениса Давыдова. Жердева предложила рассматривать его не только как текст, но и как архив свидетельств, включающий также более 200 любительских фотографий, сделанных Буторовой в те же годы, которые до сих пор не опубликованы и хранятся в сызранском архиве. Опираясь на подход Джея Винтера

и Пола Фассела к анализу языка военной скорби, докладчица показала значение эмоциональных маркеров в рефлексии переживаемого опыта. Не менее интригующей стала и история современного бытования текста дневника. Некоторые его фрагменты были опубликованы и вошли в архив центра «Прожито» ЕУСПб, другие стали основой спектакля «Милосердие» Театра.doc. И, кроме того, текст активно используется сегодня в коммеморации, связанной с памятью о Денисе Давыдове, его потомках и самом селе Верхняя Маза, где когда-то находилось имение Буторовых.

Завершил эту панель доклад *Ксении Сак* (ИВИ РАН, Москва) «*Женские стратегии выживания в оккупации в период Великой Отечественной войны: от сопротивления до полового коллаборационизма*». Вопросы, поднятые в этом выступлении, до сих пор остаются табуированными в российской историографии и крайне плохо исследованными, хотя, как подчеркнула Сак, материалы об этой стороне женской повседневности широко представлены в документах архивной комиссии Исаака Минца, с которыми работала и сама исследовательница. Доклад, в котором были обозначены различные формы адаптации женщин к неопределенности оккупации, вызвал оживленное обсуждение, что совершенно неудивительно, учитывая болезненность поднятых тем, долгий период умолчания и отсутствие современной дискуссии об этом опыте.

Пожалуй, одной из самых необычных частей конференции стала секция «*Разные неопределенности: естественные и социальные науки о климате, антропоцене и Земле*», занявшая вторую половину последнего дня. В рамках этой секции о неопределенности получили возможность высказаться представители естественных наук, в основном климатологи и гидрологи, которые в силу специфики исследуемых ими феноменов постоянно с ней сталкиваются, и были вынуждены выработать свои методы работы с неопределенностью. Приглашение представителей естественных наук на гуманитарную конференцию сопряжено с определенными рисками. Тем не менее, организаторам конференции удалось построить работу этой секции так, что диалог между ее участниками не только вполне состоялся, но и оказался интересным и полезным, по крайней мере для представителей гуманитарных дисциплин.

Секцию открыл доклад *Александра Киселева* (МГУ) «*Неопределенность и прогнозирование климата*», ставший для слушателей-гуманитариев своеобразным популярным введением в климатологическую проблематику, включая понятие климата, методы климатического прогноза и роль неопределенности в них. Пожалуй, наиболее ценной частью выступления с точки зрения тематики конференции стала демонстрация докладчиком того факта, что неопределенность во многом зависит от уровня рассмотрения процесса: в то время как детали процесса вполне могут содержать большой элемент случайности и поэтому отличаться большой неопределенностью, общие тенденции зачастую вполне просчитываемы и никакой серьезной неопределенности не содержат. Соответственно, на определенном уровне детальности становится возможным и моделирование, и прогнозирование процессов. Выступление также содержало много интересной информации о глобальном потеплении, его особенностях в различных местностях и борьбе с ним.

В докладе гидролога *Ирины Федоровой* (Институт ботаники им. А.Тахтаджяна НАН Республики Армения, Ереван) «*Неопределенность в горной гидрологии*» было продемонстрировано, с какими проблемами и неопределенностью сталкивается прогнозирование поведения водных систем на локальном уровне. На примере прогнозирования таких систем в Армении докладчица показала, какое количество разнообразной информации требуется для того, чтобы спрогнозировать детали поведения таких систем, имеющие огромное практическое значение в масштабах небольшой страны. Она также указала на трудности, связанные с добычей такой информации.

Доклад *Павла Константинова* (Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, КНР / МГУ, Москва / Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург) «*Моделирование климата: степень надежности и новые вызовы*» был посвящен истории и основным особенностям моделирования климатических систем и работе с неопределенностью при таком моделировании. Сумев избежать специальной терминологии и математических выкладок, которые были бы сложны для многих ученых-гуманитариев, докладчик показал, как шло развитие математических климатических моделей от моделей лишь самых общих процессов ко все более детальным и частным и как это приводило ко все большему уменьшению неопределенности в таких моделях, хотя полностью избавиться от последней не удалось и, скорее всего, никогда не удастся. Как и два предыдущих докладчика, Константинов подчеркивал роль большого массива актуальных данных для корректной работы такой модели, важность системы сбора таких данных, а также требования, которые качественное моделирование климата предъявляет к вычислительным мощностям. Он также познакомил слушателей с климатическими моделями вымышленных миров — Средиземья и Арракиса — которые, несмотря на вымышленность объекта моделирования, дают интересные и неожиданные результаты.

Ольга Бычкова (Европейский университет в Санкт-Петербурге) обобщила в своем докладе «*Управляя неопределенностью и рисками: российские климатологи и знание о планете*» итоги проекта Центра науки и технологий Европейского университета, посвященного исследованию климатологии и работы климатологов с неопределенностью. Именно этот проект во многом сделал возможным организацию секции. Начав свое выступление с краткого обзора целей и методов антропологии науки, исследовательница перешла к анализу проблемы выстраивания дисциплинарных границ учеными и связи такого выстраивания с неопределенностью. Она отметила, что представители многих дисциплин пытаются выстраивать границы этих дисциплин так, чтобы оставить все связанное с неопределенностью за их пределами. Климатология, однако, в силу своей специфики не могла пойти по этому пути и поэтому климатологам пришлось разрабатывать специфические методы работы с неопределенностью в своих исследованиях и «замалчивания» или «маскировки» (хотим подчеркнуть, что докладчица не использовала этих терминов, однако надеемся, что мы поняли, что она имеет в виду) при представлении их результатов для неспециалистов. Следует заметить, что такая презентация результатов неспециалистам, в том числе лицам ответственным за принятие политических решений, воспринимается как самими климатологами, так и окружающими как важная часть их деятельности и проявление их экспертности. Интересно, что хотя уйти от темы неопределенности в таких презентациях невозможно, — в конце концов эти презентации в основном дают представление о рисках и вероятностях, — сообществом климатологов разработан целый комплекс стилистических и риторических приемов, позволяющих говорить о неопределенности, не употребляя этого понятия и сохраняя «дух экспертности».

Секцию завершил доклад *Ивана Наумова* (Европейский университет в Санкт-Петербурге) «*Искусство замечать*»: о новых основаниях политики в эпоху *Антропоцена*», посвященный философскому анализу феноменов климата и неопределенности.

Последняя секция на конференции — «*Неопределенность советского мира*» — была посвящена неопределенности советского мира и включала доклады, обращенные к большим вопросам советской истории: репрессивной машине 1930-х годов, колхозному строительству и политическому агитпропу. *Ольга Скубач* (АлтГПУ, Барнаул), историк культуры и литературовед, в своем докладе «*Пионер*» между

временем и вечностью: 1937 год в публикациях советского детского журнала» представила результаты работы с публикациями в журнале «Пионер», убедительно продемонстрировав заметную даже в детской публицистике конца 1930-х годов одержимость темой смерти: юбилеи гибели знаковых исторических героев становятся гораздо более частыми предметами публикаций, чем даты их рождений. Такую озабоченность смертной тематикой Скубач объяснила страхом, порожденным большим террором, и попытками преодолеть травмирующий опыт неопределенности смерти, превратив ее в безопасную вечность, гарантирующую бессмертие.

Александр Никулин (МВШСЭН / РАНХиГС, Москва), хорошо известный специалист по истории крестьянства, главный редактор журнала «Крестьяноведение» и соратник Теодора Шанина, в докладе «Колхоз и перестройка: парадоксы уверенности и неуверенности в завтрашнем дне» нарисовал масштабную картину колхозного предприятия как типичного социального института советской эпохи, представив его в виде «ресурсных песочных часов», означавших компромисс между крупным огосударственным и мелким семейным сельскохозяйственным производством. Основное внимание Никулин уделил собственно эпохе неопределенности, наступившей в перестроечный и постперестроечный период, — длительному этапу агонии колхозной жизни, в результате которой колхоз перестал быть главной формой сельской жизни. Проследив биографии бывших советских колхозов, большинство которых оказались в руинах и прекратили существование, докладчик выделил и несколько типичных сценариев преодоления неопределенности, приведя примеры так называемых «олигархозов» и «постколхозов», которым удалось вполне успешно адаптироваться к новым экономическим условиям, превратившись в культурно-экологические рекреации или подстроившись под нужды столичного региона.

Алексей Попов (Крымский федеральный университет, Симферополь) в заключительном докладе на этой секции «Последний кризис советского агитпропа: агония дискурсивного порядка в праздничных призывах ЦК КПСС 1985–1990 годов» также представил масштабный корпус данных, но на этот раз речь шла о базе официальных призывов ЦК КПСС периода «перестройки» (1985–1990), собранной докладчиком совместно с Екатериной Поповой. Большой массив источников позволил Попову наметить общую динамику в истории политической пропаганды. Начав с советской практики публикации списков официальных призывов, предназначенных для использования во время праздничных мероприятий и демонстраций, докладчик проследил, как меняется сама эта практика, а также содержание и стиль политических лозунгов. Попов обратил внимание на то, что новая лексика, связанная с ключевыми понятиями перестроечных реформ, включающая понятия «гласность», «кооператив» и собственно «перестройка», появляется в лозунгах с опозданием. В то же время государство постепенно утрачивает монополию на определение формы политического призыва, а сами лозунги становятся все более разнообразными и стилистически сложными, допускающими разнообразие толкований. По мнению докладчика, динамика использования и содержание официальных праздничных призывов в эпоху перестройки отражают кризис дискурсивного порядка советской идеологии, подтверждая вывод Алексея Юрчака о произошедшем в позднем СССР перформативном сдвиге.

Конференция завершилась подведением итогов и обсуждением возможных тем для будущих встреч. Все участники дискуссии согласились, что понятие неопределенности, выбранное в качестве центрального для обсуждения в Ереване, оказалось очень продуктивным для совместного разговора, позволяя взглянуть на многие традиционные вопросы советской и постсоветской историографии под но-

вым углом зрения. В то же время Сергей Зенкин обратил внимание на существование разных подходов к его интерпретации и недостаточную философскую рефлексию этого понятия. Действительно, неопределенность — очень широкий термин, который служит одновременно и удобным зонтиком, способным укрыть специалистов разных дисциплин и направлений, и безбрежным морем возможных подходов и толкований. Вопросы о том, возможен ли и нужен ли единый концептуальный аппарат для разговора о неопределенности, есть ли у современной неопределенности, с которой мы все столкнулись в последние годы, какая-то историческая, культурная или социальная специфика, кажется, остались открытыми. И все-таки, как и показала конференция, неопределенность — это не только проблема и препятствие, но и важный ресурс для развития.

Списка тем, предложенных участниками для будущих конференций «Нового литературного обозрения», наверняка хватит на многие годы. Среди них были утрата и доверие, антропология субъектности, личности и границ, экспертиза и солидарность в кризисные эпохи, объекты заботы и удивления, понятия зазора и интервала, окно возможностей и примирение. Каждая из этих тем может стать прекрасным предметом для междисциплинарного диалога на совместном форуме «Нового литературного обозрения» и Европейского Университета в Санкт-Петербурге, который, как мы надеемся, еще не раз состоится в будущем.

Кирилл Истомин, Екатерина Мельникова

Международная конференция «“Время перемен” в славянской и еврейской культурной традиции»

*(Институт славяноведения РАН, Научно-гуманитарный
центр «Сэфер», Москва, 1–3 декабря 2024 года)*

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_402

1–3 декабря 2024 года состоялась международная конференция «“Время перемен” в славянской и еврейской культурной традиции», организованная центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН и Научно-гуманитарным центром «Сэфер». Конференция стала уже двадцать восьмой ежегодной встречей в рамках международного исследовательского проекта «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия», осуществляемого с 1995 года центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН в сотрудничестве с Центром «Сэфер» и другими научными и образовательными организациями, проявляющими интерес к диалогу культур. Темы прошедших конференций охватывали мифологию, обряды, семейные ценности, культурные концепты, такие как грех, чудо, сотворение мира, сакральная география и другие, создавая пространство для диалога между традициями и исследуя их взаимовлияние на протяжении веков.

Организаторы стремятся исследовать славяно-еврейский мир во всем его многообразии, проводя параллели с современностью. В декабре 2022 года состоялась конференция «“Последние времена” в славянской и еврейской культурной тради-